

Александр Амфитеатров

О ревности

Александр Валентинович Амфитеатров

О ревности (Женское нестроение #4)

«Убийство въ Царскомъ Селѣ баронессою Врангель сестры своей, Чернобаевскій процессъ въ Москвѣ и рѣчи и ходатайства женскаго конгресса въ Парижѣ заставили печать и общество снова разговориться на тему о ревности, мирно спавшую въ архивѣ чуть ли не со временъ „Крейцеровой сонаты“...»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0028
III А. В. Зенгеру.....	.0050

**Александр Валентинович
Амфитеатров
О ревности**

Убийство въ Царскомъ Селѣ баронессою Врангель сестры своей, Чернобаевскій процессъ въ Москвѣ и рѣчи и ходатайства женскаго конгресса въ Парижѣ заставили печать и общество снова разговориться на тему о ревности, мирно спавшую въ архивѣ чуть ли не со временъ «Крейцеровой сонаты».

Признаюсь откровенно. Говоря о ревности, я буду писать о чувствѣ, мнѣ совершенно неизвѣстномъ, которое я могу вообразить себѣ лишь вчужѣ, отвлеченно, по конфиденціямъ добрыхъ друзей и знакомыхъ изъ разряда Отелло, да по романическимъ книжкамъ съ исторіями о ревности или съ анализомъ ея психологіи. Я, словомъ, знаю, что есть такое скверное чувство въ разрядѣ страстей человѣческихъ – ревность, знаю, какъ она выражается внѣшнимъ образомъ въ поступкахъ человѣческихъ, понимаю ея источники и мотивы; но рѣшительно не въ состояніи вообразить ее въ субъективномъ примѣненіи. Мнѣ никогда не случалось ревновать, – думаю, что и не случится, развѣ что

къ дряхлой старости натура челоуѣка, говорятъ, иной разъ мѣняется до корня, и удовольствіе испытать муки Отелло или Позднышева сохранено для меня благодѣтельною природою лѣтъ на 70–75. Но старческая ревность, обыкновенно, относится къ разряду комическихъ явленій жизни, а не трагическихъ; она обычный сюжетъ для водевиля, но рѣдко возвышается до трагедіи. Такъ что удивить міръ ревнивымъ злодѣйствомъ я, кажется, пропустилъ всѣ сроки. такимъ образомъ, могу говорить о ревности – «какъ старый дѣякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, добру и злу внимая равяодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва».

Прошу извиненія за субъективный и даже автобіографическій тонъ выше напечатанныхъ строкъ. Но такія сомнительныя, неопредѣленныя чувства, какъ ревность, всегда анализируются у насъ въ субъективной примѣркѣ. Читаешь разсужденія о ревности російскихъ Платоновъ и – такъ и видишь въ промежуткѣ общихъ фразъ, обвиняющихъ или оправдывающихъ, глядя по убѣжденіямъ автора, какъ онъ мысленно прикидываетъ

теорію на свой личный практической салты-
къ:

– А что, молъ, если бы сбрендила моя Ма-
рья Ивановна?! О!!!..

И точки. Много много выразительно-кро-
вавыхъ точекъ. Или наоборотъ:

– А вотъ, кабы отъ меня сбѣжала Пульхерія
Андреевна, – ужъ показаль бы я міру, какъ гу-
манно и рыцарски долженъ относиться къ
подобнымъ происшествіямъ истинно интел-
лигентный и порядочный человекъ.

– Ахъ, если бы онъ измѣнилъ мнѣ, я бы
убила его!.. ее!.. всѣхъ!!!

– А я... я пожертвовала бы собою для ихъ
счастія и потомъ... умерла бы!

Мнѣ кажется, что сильное развитіе поло-
вой ревности въ нашемъ современномъ об-
ществѣ, – а развитія этого отрицать нельзя, –
происходитъ отъ романической привычки
удѣлять ей вниманія гораздо больше, чѣмъ
она того заслуживаетъ, а вниманія больше за-
слугъ удѣляется ей по романическому же
предразсудку считать ревность чувствомъ
возвышеннымъ, благороднымъ, украшаю-
щимъ любовь и представляющимъ

непремѣнный ея признакъ, чуть не доказательство ея истинности.

Кому не случилось слышать жалобъ отъ женъ, сомнѣвающихся, любятъ ли ихъ мужья, потому что:

– Что же это? За мною всѣ ухаживаютъ, я кокетничаю направо и налево, а ему – что стѣнѣ горохъ: хоть бы замѣчаніе сдѣлалъ, хотя бы поморщился... Значить, онъ не боится потерять меня для другого! Значить, я ему – «все равно!» Значить, онъ меня не любитъ! О, я несчастная! Или, наоборотъ, дикихъ и глупыхъ восторговъ:

– Ахъ? душка! какъ онъ меня любятъ, какъ любить! Иванъ Ивановичъ всего лишь тѣмъ и провинился, что заѣхалъ къ намъ въ неприемный часъ, а я все-таки его приняла... Ну, и досталось же мнѣ! буду помнить! Чуть не убилъ, – право: ты, говоритъ, такая, ты, говоритъ, сякая... Едва-едва отговорила его не вызывать Ивана Ивановича на дуэль. Просто, – тигръ какой-то!

Извѣстенъ трагикомическій рассказъ Герберштейна, имѣющій уже почтенную давность четырехъ вѣковъ, о русской дамѣ, на

которой жедился нѣмчинъ. Супруги жили счастливо, но молодая думала, что она несчастна, и плакала горькими слезами, потому что мужъ ее не колотилъ.

– Всѣ мужья бьютъ своихъ женъ, а ты не бьешь, – значить, я тебѣ не любя! ты другую любишь.

Нѣмецъ, изумленный столь странною логикою супружескихъ отношеній, долгое время уклонялся отъ доказательствъ своей нѣжности чрезъ посредство побоевъ. Но, наконецъ, жена его такъ одолѣла, что онъ рѣшилъ: «съ волками жить, по-волчьи выть», – и отдулъ благовѣрную разъ, другой, третій, къ полному ея удовольствію. Потому-ли, что нѣмецъ, какъ нѣмецъ, любилъ все дѣлать аккуратно, и, ужъ если взялся бить, то билъ на совѣсть; потому ли, что, ознакомясь съ новымъ спортомъ, вошелъ во вкусъ и сталъ упражняться въ немъ до чрезмѣрнаго усердія, – только жена нѣмца вскорѣ захирѣла и умерла. А нѣмцу отрубили голову

Современное стремленіе женщины быть «интересно»-ревнуемою вполне сродни этому средневѣковому влеченію быть битой по

любви. И, если смотрѣть въ корень, оно не менѣе унизительно для женщины, чѣмъ то, старинное, потому, что въ немъ, со стороны женщины, громко звучитъ то же странное, страдальческое желаніе сознавать себя вещью, собственностью мужчины, что въ средневѣковыхъ просьбахъ о побояхъ.

– Хочу страданіемъ познать, что я твоя! – такова логика жены Герберштейнова нѣмца.

– Обрати въ адъ подозрѣній и мою, и свою жизнь, – тогда я сознаю, что я твоя! – такова логика современныхъ охотницъ до трагедій ревности. Для нихъ любовь прежде всего является чѣмъ-то въ родѣ «наказанія на душѣ», какъ для дуры эпохи Герберштейна была она наказаніемъ на тѣлѣ.

Романтическая эпоха, когда ревность, въ качествѣ сильной страсти, порождающей эффектныя эмоціи, была особенно въ чести, прославляемая, какъ чувство, хотя мрачно-губительное, но прекрасное благородное, навязала потомству предразсудки эти съ необычайною прочностью. Я зналъ и знаю весьма многихъ мужчинъ, совсѣмъ не ревнивыхъ по существу, которые искренно стыдились

отсутствія въ нихъ этой способности и – за
неимѣніемъ гербовой, писали на простой: иг-
рали въ ревность, притворялись ревнивцами,
при чемъ инымъ удавалось и въ самомъ дѣлѣ
увѣрить себя, будто они ревнивы. Увѣрить не
только до громкихъ и страшныхъ словъ, но и
до нѣкоторыхъ дѣяній даже уголовного харак-
тера, въ которыхъ потомъ они мало, что горь-
ко раскаивались, но и прямо и откровенно об-
виняли себя: сдуру сдѣлалъ! самъ не знаю,
зачѣмъ! Предразсудокъ о «порядочности» рев-
ности создаетъ весьма частое театральнича-
нье ревностью. Имъ полны романы мальчи-
шекъ, – «на зарѣ туманной юности». Боже
мой! да кто же изъ насъ не вспомнить, какъ
въ 18–20 лѣтъ онъ гримировался Отелло
предъ какою-нибудь Анною, Марьею, Лидіей,
Клавдіей и т. д. Простите за опять субъектив-
ные «реминисансы». Я, напримѣръ, впервые
въ жизни очутился въ Петербургѣ, на двадца-
томъ году жизни, потому что жестокая «она»
вышла замужъ за военного офицера, и я все-
конечно не могъ! не могъ!! не могъ!!! оста-
ваться съ «нею» въ одномъ городѣ, дышать
однимъ воздухомъ... И я уѣхалъ въ Петербур-

гъ, разыгравъ такія сцены отчаянія, что просто Сальвини всѣ пальчики перецефловалъ бы, а главное, и самого себя стараясь держать въ глубокомъ убѣжденіи, что я дѣйствительно несчастень, и жизнь моя разбита, и всѣ свѣтила потускли, и всѣ радуги померкли. И ужасно злился на себя, когда, сквозь это театральничавье, вдругъ начинали мелькать настоящія-то молодья мысли: — А хорошо въ Петербургѣ будетъ въ театрѣ сходить, Савину посмотрѣть! а улицы-то, говорятъ, въ Петербургѣ чыстыя, а дома-то огромные! «Мѣднаго всадника» увижу, Эрмитажъ. Славно!.. И старался хмуриться еще мрачнѣе, дабы окружающіе не замѣтили паденія барометра моихъ чувствъ и не умѣрили, въ соотвѣтственномъ отношеніи своего ко мнѣ сочувствія. Но въ вагонѣ, едва поѣздъ двинулся, мнѣ вдругъ стало такъ мило и весело, что я ѣду въ Петербургъ, что я чуть-чуть не подскакивалъ на скамѣ... Объ «измѣнницѣ» и по дорогѣ, и въ Питерѣ я ни разу не вспомнилъ, провелъ время самымъ счастливымъ и утѣшительнымъ образомъ, а, вернувшись въ Москву, едва не привалился на экзаменѣ по

римскому праву у Богольпова и, зубря лекціи, со злостью думаль:

– Очень нужно было ломаться и весь этот глупый романъ разыгрывать: лучше бы въ университетъ ходиль... Долби теперь на спѣхъ! удивительное удовольствіе!

Театральничанье ревностью бываетъ не у однихъ мальчишекъ, оно переходитъ и въ зрѣлые годы – и здѣсь оно опаснѣе, чѣмъ раньше, потому что и ревность зрѣлаго человѣка, семьянина, опаснѣе по характеру своему, чѣмъ ревность юнца. Ибо послѣдняя есть, такъ сказать, достигаемая, и источникъ ея – зависть къ чужому преуспѣянію въ любви, либо обидное сознаніе: «близокъ локоть, да не укусишь». А ревность взрослого семьянина – охранительная, и источникъ ея – чувство собственности, потребность въ ея эгоистическомъ сбереженіи для своего исключительнаго пользованія. Къ великому счастью человѣчества, большинство мальчишескихъ романовъ и бываетъ несчастно, – такъ что права собственности на «любимую женщину» не успѣваютъ создаться, и ревность, слѣдовательно, застреваетъ тоже въ страда-

тельно-вождедѣлющемъ періодѣ, не переходя въ дѣятельно-охранительный. Иначе, — во сколько бы разъ увеличился процентъ убійствъ и насилій изъ ревности и съ какимъ бы учащеннымъ усердіемъ разряжались револьверы юныхъ Хозе и вонзались кинжалы еще юнѣйшихъ Алеко въ разныхъ коварныхъ Кармень и Земфиръ. Преступленія изъ ревности тѣмъ чаще въ культурной странѣ, чѣмъ ранѣе населеніе ея становится способнымъ къ половому сожителству. Романская раса превосходитъ числомъ ихъ славянскую и германскую; южане — сѣверянь. И что касается интеллигентныхъ слоевъ общества, повторю: далеко не всѣ эти преступленія — результатъ искренней, непосредственной ревности. Есть предразсудочныя приличія, нравственныя, какъ есть приличія быта. Много на свѣтѣ людей, которые, не имѣя, на что купить новаго галстуха, предпочтутъ украсть галстухъ, чѣмъ осрамиться, показавшись въ обществѣ въ старомъ, засаленномъ галстухѣ, хотя отлично понимаютъ, что срамъ отъ преступленія вдесятеро горше срама отъ появленія въ грязномъ галстухѣ. Много лю-

дей, которые убиваютъ своихъ женъ, соперниковъ, выходя на дуэли etc, именемъ ревности, вовсе не потому, чтобы послѣдняя разжигала въ нихъ нетерпимую, свирѣпую ненависть, не дающую жить жажду крови, убійства, но просто потому, что: какъ же иначе? Въ такихъ случаяхъ принято убивать И Отелло убилъ, и Позднышевъ убилъ и тотъ-то застрѣлился, и этотъ то застрѣлился. Не убить другого или себя въ такихъ случаяхъ – неприлично. Я долженъ спасти свою чѣсть, исполнить, что велитъ мнѣ общепринятое приличіе. Вѣдь либо Отелло, либо водевильный комикъ. Не хочу, чтобы надо мною смѣялись, хочу, чтобы отъ меня плакали! Не хочу въ водевильные комики – желаю въ Отелло!

Если такъ случается разсуждать даже людямъ взрослымъ, съ зрѣлымъ и образованнымъ умомъ, тѣмъ легче ловятся въ капканъ предразсудка о нравственномъ приличіи ревности юноши и люди полуинтеллигентные. Въ одной изъ статей сборника моего «Столичная бездна») въ этюдѣ «Уголовная чернь», я проводилъ положеніе, что преступленія по

несчастной любви особенно часты въ средѣ
русскаго мѣщанства, жительствоващаго по
большимъ городамъ. Тезисъ этотъ, постав-
ленный мною по впечатлѣніямъ
нѣсколькихъ процессовъ, почти апріорно,
съ малымъ количествомъ опытовъ и
наблюденій, оказался, однако, въ
соотвѣтствіи съ данными уголовной статисти-
стики, что указалъ мнѣ въ письмѣ такой ав-
торитетный криминалистъ, какъ А. Θ. Кони.
Любопытно, что, когда Островскому понадо-
билось написать русскаго Отелло, онъ взялъ
Льва Краснова тоже изъ мѣщанской среды.
Всего опаснѣе въ ревности – по
дѣйствительной ли страсти, по долгу ли
приличія – сумеречная полоса, переходная
отъ народа къ привилегированнымъ класса-
мъ, уже утерявшая міросозерцаніе мужицкое
«отъ сохи», и еще не обрѣтшая міросозерцанія
культурнаго. Вмѣсто послѣдняго, для нея мер-
цаетъ лишь внѣшній, лживый, мишурный
призракъ его, и она ползетъ вслѣдъ призраку,
какъ за блуждающимъ огонькомъ, въ какую
только онъ ни поманитъ пропасть... Одна-
жды я посѣтилъ въ домѣ сумасшедшихъ при-

казчика, отданнаго на «длѣющуюся экспертизу»: онъ покушался убить свою любовницу. Я зналъ эту исторію и зналъ, что дѣвушка, которую онъ чуть не зарѣзалъ, была ему совсѣмъ не дорога, онъ тяготился связью, и любовница его подозрѣвала это. Такъ что даже, можетъ быть, съ горя отъ охлажденія этого, она и стала любезничать съ другимъ приказчикомъ, чѣмъ и вызвала катастрофу. – Скажите, пожалуйста, П***, – спросилъ я, выяснивъ изъ разговора съ нимъ, что дѣло имѣло именно такую нравственную обстановку, а не иную, – зачѣмъ же вы ва стѣну-то подѣзли? что васъ толкнуло подъ руку? П*** потупился.

– Товарищи засмѣяли, – сказалъ онъ.

– То есть?

– Издѣвались очень. Особенно Батистовъ Вонифатъ. Вотъ, говоритъ, ты въ гимназіи два класса былъ и романы изъ библіотеки читаешь, а образованныхъ чувствъ у тебя нѣтъ. Развѣ образованный, который интеллигентъ, попуститъ, чтобы Машка съ Иваномъ Абрамовымъ хвостъ трепала, поругая любовь и попирая сердце? Нѣтъ, образованный интеллигентъ должонъ проклясть рокъ судьбы и

вонзить кинжалъ... А тебѣ – коленкоръ мѣрять, а не любовь питать; ты чувствуешь чести недоумѣваешь. Ну, я и того... вошелъ въ настроеніе.

Недавно я перечитывалъ «Врача своей чести» Кальдерона. А знаете ли, вѣдь эта «драма о ревности» – совсѣмъ не о ревности. Герой ея, по чувству, также равнодушенъ къ женѣ своей, какъ П*** – къ Машкѣ, которая трепала хвостъ съ Иваномъ Абрамовымъ. Это – драма о человѣкѣ, считающемъ себя обязаннымъ питать ревность, «вошедшемъ въ настроеніе». Жалкаго П*** ввелъ въ настроеніе Вонифать Батистовъ, а великолѣпнаго дона Гутьэреса – складъ кастильскаго общества, который указалъ ему, – какъ нравственный долгъ, – приличіе убить жену, хотя и невинную, и неслишкомъ любимую, по одному лишь подозрѣнію въ связи съ инфантомъ. И оба – какъ недалекій, темный прнказчикъ, такъ и блистательный грандъ Испаніи – увы! – родные братья по чувству. И, если бы не было въ Испаніи дона Гутьэреса, быть можетъ, небыло бы и П*** въ Россіи. Потому что условности романтической ревности

сти вѣдрили въ Вонифатовъ Батистовыхъ и К° именно отъ дона Гутьэреса, размѣненнаго на алтыны и семитки въ бульварной уголовной литературѣ, съ запада навѣянной скверными переводами со скверныхъ подлинниковъ.

По природѣ русскій человекъ совсѣмъ не ревнивъ, ибо онъ весьма мало буржуа, а ревность, слагающаяся изъ института пріобрѣтенія и охранительной боязни за собственность, несомнѣнно буржуазное чувство въ основѣ своей, какъ бы его ни облагораживали съ поверхности. Великолѣпное *tue la!* Александра Дюма совсѣмъ не въ нравахъ русскаго народа, который, на днѣ своемъ, заявляетъ о невѣрныхъ женахъ, что «тѣмъ море не испоганилось, что собака воду лакала», а на верхушкахъ своего ума, чувства и нравственнаго развитія, устами величайшаго своего поэта, высказалъ величайшій кодексъ своихъ любовныхъ отношеній къ женщинѣ:

*Я васъ любилъ. Любовь еще, быть
можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ.
Но пусть она васъ больше не тре-*

вожитъ,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безна-
дежно,
То робостью, то ревностью то-
мимъ,
Я васъ любилъ такъ искренно, та-
къ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой
быть другимъ.

Согласитесь, что отъ этого восьмистишія —
цѣлую пропасть перешагнуть надо, чтобы
воскликать, вмѣстѣ съ Отелло:

Ахъ, я бъ желалъ родиться лучше
жабой
И въ сырости темницы пресмы-
каться,
Чѣмъ изъ того, что я люблю, дру-
гому
Малѣйшую частицу отдавать.

Ревность въ произведеніяхъ русскихъ пи-
сателей нашла отраженіе, сравнительно
незначительное и всегда строго осуждающее.
Алеко и Позднышевъ стоятъ на границахъ
XIX вѣка, въ началѣ и въ концѣ его, равно су-
рово приговоренные двумя колоссами нашей

мысли. Едва наша юная цивилизація породилась съ западною, мы схватились за теорію свободной любви съ энергіей, которой проповѣдь ея не имѣла и во Франціи, гдѣ она все-таки считалась съ pruderie общественнаго мнѣнія, съ буржуазнымъ фарисействомъ, Жоржъ-Зандъ имѣла у насъ въ Россіи едва-ли не большій усаѣхъ, чѣмъ у европейской публики; она имѣла огромнѣйшее вліяніе на реалистовъ нашихъ сороковыхъ-шестидесятыхъ годовъ, въ области женскаго вопроса она — прямая учительница Салтыкова; Достоевскій поклонялся ея памяти даже въ своей старости, когда погрузился въ то «православное государство», плодами котораго явились «Дневникъ Писателя» и «Карамазовы», и которое, конечно, съ жоржъ-зандизмомъ ладило столько же, какъ вода и камень, ледъ и пламень. Гдѣ, въ какой странѣ болѣе пылко и убѣдительно велась и ведется общественная агитація въ пользу облегченія развода, — мѣры, раннее или позднее проведеніе которой дасть современемъ такой же радостный, гордый и плодотворный день, какъ 19-е февраля 1861 года? Гдѣ съ большею энергіей и

увѣренностью проповѣдывалось право жены на разводъ нравственный, на прекращеніе супружескихъ обязанностей къ нелюбимому мужу? Гдѣ усерднѣе учили мужей относиться снисходительно къ праву жены полюбить другого? Гдѣ властвовала, въ эгомъ направленіи, надъ умами болѣе краснорѣчивая проповѣдь движенія къ свободной любви, чѣмъ, напр., «Подводный Камень» Авдѣева, какъ бы открывшій собою движеніе женской эмансипаціи въ русскихъ шестидесятихъ годахъ. Герои Авдѣева и другихъ твердили своимъ преступнымъ женамъ пушкинское «дай вамъ Богъ любимой быть другимъ» именно въ то самое время, какъ буржуа Дюма-сына провозгласили свое свирѣпое: tue la!

*Ты женись, женись, мой милый,
позволяю я тебѣ...
...Коли лучше найдешь, позабудешь,
Коли хуже найдешь, пожалѣешь!*

стонетъ въ пѣсняхъ, покорная на разлуку, русская баба. Развѣ не характерно, что русскіе актеры не находятъ достаточно яркихъ и вы-

разительныхъ храсокъ для изображенія Отелло, тогда какъ итальянцы и французы играютъ его съ гораздо большею легкостью, нежели другія шекспировскія роли? Развѣ не характерно, что Бѣлинскій, образецъ настоящаго русскаго критическаго ума, разбирая игру Мочалова, едва скользнулъ по Отелло, гдѣ любовь къ женщинѣ – все, и съ такою страстностью занимался Гамлетомъ, гдѣ любовь къ женщинѣ имѣетъ значеніе подчиненное, побочное главному ходу дѣйствія, и не въ ней совсѣмъ суть? Лучшія наши комедіи («Ревизоръ», пьесы Сухово-Кобылина, «Свои люди, сочтемся») почти лишены «женскихъ ролей». Даже такая половая драма, какъ «Власть тьмы», обошлась безъ элемента ревности. А Тихонъ въ «Грозѣ»?

Одинъ простодушный россійскій зритель, видя впервые «Отелло» на сценѣ, резюмировалъ мнѣ свои впечатлѣнія слѣдующимъ краткимъ, но выразительно-неожиданнымъ замѣчаніемъ:

– Да, много бабы эти нашему брату пако-
стоятъ!

А другой весьма интеллигентный чудакъ и

Дѣловикъ, слушая однажды на журфиксѣ споръ объ Отелло, Яго, Дездемонѣ, о правахъ любви и ревности, о власти надъ жизнью и смертью любимаго челоуѣка и прочихъ важныхъ матеріяхъ, вдругъ вставилъ, слегка заикаясь по обыкновенію, крылатое словцо:

– До-ожъ виновать.

– Дождь? какой дождь?

– Венеціанскій.

– Онъ-то при чемъ же?

– Заачѣмъ назначилъ Отелло гуубернаторомъ. Онъ челоуѣкъ военный. Ему бы съ турками каждый день воевать, а се-енать его – на Ки-ипрѣ. О-островъ мирный.

– Такъ что же?

– Дѣ-ѣлатъ генералу было нечего, скуучаль. Во-отъ онъ и ста-аль отъ скуки съ дѣлопро-оизводителе-е-емъ сплетнями заниматься. А это народъ извѣстный: гады! Дѣ-ѣлопроизводителя выгнать было надо, – не было бы и тра-агедіи. О они шельмы.

– Отелло-то съ Дездемоною?!

– Нѣ-ѣтъ: дѣлопроизводители.

Во Франціи законъ, безсильный бороться съ темпераментомъ ревнивыхъ собственни-

ковъ-мужей, даетъ супругу право безнаказанно убить любовника жены, заставъ его на мѣстѣ преступленія. Правомъ этимъ многіе пользовались, и общество сохраняло къ нимъ уваженіе, какъ къ своего рода героямъ. Какъ вы думаете? могъ ли бы подобный убійца по праву обременять своимъ присутствіемъ наше русское общество? протянулась ли бы къ нему хоть одна рука? Очень сомнѣваюсь. Ужъ слишкомъ мы, славяне, не любимъ самосуда въ нравственныхъ вопросахъ, слишкомъ скептически относимся къ насилію надъ душою ближняго. А убійство, какъ нанесеніе внезапной, преждевременной смерти, считается погубленіемъ души, а не тѣла. «Грабить-грабилъ, а душъ не губливаль», хвалится русскій преступникъ. Убійство есть душегубство, и таково всякое убійство. И таковъ общерусскій взглядъ, что – тѣло твое, а душа Божья, и жить ей вѣчно, дондеже Богъ смертнаго ангела не пошлетъ. И ни самъ человекъ, ни другой кто надъ душою не властенъ, и выпустить ее изъ тѣла чрезъ произвольно наносимую смерть – грѣхъ отвратительный и нестерпимый. «Ты для себя лишь

хочешь воли... Ты золь и гордь...» – гремитъ карающее слово стараго цыгана къ ревнивцу-Алеко, покончившему своимъ судомъ жизнь пестрой бабочки-однодневки, бѣдной, легкомысленной Земфиры. Осужденъ Позднышевъ, осужденъ Отелло, осужденъ всякій, кто свое мужское право на обладаніе женщиною поставилъ выше правъ общечеловѣческихъ. Осуждены и тѣ, кто горѣ, верху, и тѣ, кто на землѣ, низу. Ибо вѣдь и Левъ Красновъ, когда, подобно Алеко, свершилъ онъ самосудъ надъ глупенькою невѣрною Татьяною, – даже и этотъ грозный, честный Левъ Красновъ, даромъ, что онъ не баринъ-байронистъ, играющій въ опрощеніе, а лишь простой, сѣрый мѣщанинъ, – едва хватилъ жену ножомъ, какъ тутъ же выслушалъ и величавое себѣ обличеніе:

– Что ты сдѣлалъ? – говоритъ ему дѣдъ Архипъ, Стародумъ драмы, носитель народной мудрости, – кто тебѣ волю далъ? Нешто она предъ тобою однимъ виновата? Она прежде всего передъ Богомъ виновата, а ты, гордый, самовольный чловѣкъ, ты самъ своимъ судомъ судить захотѣлъ. Не захотѣлъ ты подо-

ждать милосерднаго суда Божьяго, такъ и самъ ступай теперь на судъ челоѡческій!

И таковъ былъ русскій взглядъ на права ревности всегда, начиная отъ самыхъ древнихъ «правдъ», еще лишь полухристіанскаго происхожденія. Нѣтъ, не ревнивый мы народъ, — и оттого-то каждая уголовщина, возникающая у насъ изъ ревности, вызываетъ въ обществѣ столько толковъ, споровъ, недоумѣнія...

1900.

Купеческія дочки въ старинномъ Замоскворѣчьи Островскаго упражняли не весьма быстрые умы свои рѣшеніемъ многихъ глубокомысленныхъ вопросовъ, какъ-то: что пріятнѣе – ждать и не дождаться, или имѣть и потерять? какой цвѣтъ лучше – голубой или розовый? и, наконецъ, – верхъ философіи! – кто болѣе способенъ любить: мужчина или женщина? Настя Ничкина утверждала, что женщина; Бальзаминовъ говорилъ, что мужчина, – и время проходило весьма пріятно, невинно и незамѣтно. Къ большому ущербу нашей литературы, двѣ первыя публицистическія темы, о преимуществѣ цвѣтовъ и объ ожиданіи, исчезли изъ нея, кажется, безвозвратно. Зато третья процвѣтаетъ въ авантажѣ, ничуть не меньшемъ, если не въ большемъ, прежняго замоскворѣцкаго. И Настя Ничкина, и Бальзаминовъ не умираютъ въ родной словесности.

– Нечего сказать: хороши ваши женщины! – зудитъ Бальзаминовъ.

– Да ужъ и мужчины ваши хороши! – отзу-

живается Ничкина.

– Да ужъ и женщины!!!

– Да ужъ и мужчины!!!

Занятіе сіе можно было бы, по справедливости, назвать празднымъ, если бы, къ сожаленію, оно не было занятіемъ боговъ. Ибо, по миѳологіи греческой, еще Зевесъ и Гера вели диспутъ на эту безысносную тему, и, когда нѣкто Тирезій, имѣвшій всѣ основанія судить о любви обоихъ половъ, попробовалъ рѣшить ихъ споръ, Гера наказала его слѣпотю. Вотъ оно какъ – въ старину-то! И, хотя Тирезій клялся и божился:

– О, пресвѣтлая богиня! Сама же требовала ты отъ меня, чтобы повѣдалъ я тебѣ чистую правду!

Тѣмъ не менѣе – глаза къ нему не вернулись.

Тирезіи въ отечествѣ нашемъ обрѣтаются въ умаленіи, но Бальзаминовыхъ и Ничкиныхъ не орутъ, не сѣютъ, сами плодятся. И – хоть ты что – ни о чемъ другомъ думать они не хотятъ:

– Женщины ляка!

– Мужчины бяки!

- Женщины!!!
- Мужчины!!!
- Ляки!!!
- Бяки!!!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что укладъ европейской семьи, созданной буржуазнымъ строемъ и отражающей его, какъ зеркало, переживаетъ сейчасъ тяжелый и рѣшительный, повсемѣстный кризисъ – у насъ въ Россіи замѣтный, можетъ быть, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому что, во-первыхъ, мы, вообще, великіе мастера оттачивать свои психологическіе кризисы до рѣжущей остроты, а, во-вторыхъ, потому, что наша малочисленная интеллигенція – чуть не вся на перечеть, и каждое проявленіе кризиса въ ея тѣсномъ углу – какъ на ладони. И – послѣ каждаго проявленія – газеты, журналы, публичныя лекціи оглашаются воплями:

- Еще примѣръ женскаго звѣрства!
- Еще случай мужского изувѣрства!

И, взывая къ высшей морали, строго приглашаютъ впередъ исправиться – мужчины женщинъ, женщины мужчинъ. А затѣмъ летятъ тучами «письма въ редакцію»,

оповѣщая, если не почтеннѣйшую публику, то редакціонную корзину, что:

– Мой подлець еще хуже!

– Нѣтъ? вы послушайте, что моя шельма выдумала!

Я увѣренъ, что, напримѣръ, сотрудникъ «Руси» г. А. Зенгеръ, задавшійся цѣлью слить всѣ супружескіе ручьи въ морѣ своего отдѣла «Женщины и мы», заваленъ подобными письмами паче самага ходового адвоката по бракоразводнымъ дѣламъ. Ибо ничего на свѣтѣ не любитъ такъ россійскій мужъ, какъ пожаловаться стороннему внемлющему на свою жену, и ничего на свѣтѣ не обожаетъ болѣе россійская жена, какъ пожаловаться третьему лицу – особливо же литератору – на своего мужа.

– Вы занимаетесь женскимъ вопросомъ... ахъ, напишите мою жизнь! Это цѣлый романъ!

И бѣдняжки увѣрены, что «романъ» не только входитъ въ составъ «женскаго вопроса», но даже представляетъ собою какъ бы нѣкоторое руководство къ оному. И не подозрѣваютъ того, что въ томъ-то и суть, и

идеаль «женскаго вопроса», чтобы уничтожились всѣ эти «романы» и, зачеркнутые равноправіемъ половъ, сдѣлались бы въ будущемъ невозможными, какъ правило, аномаліями изъ ряда вонъ, какъ исключенія.

Изъ всѣхъ, записанныхъ А. Зенгеромъ, исторій, такъ сказать, «объ ейныхъ подлостяхъ и евоныхъ благородствахъ», на меня произвела наибольшее впечатлѣніе трагическая поэма о ревнивой женѣ, которая никакъ не могла простить мужу, что однажды онъ до бѣлаго утра пропадалъ внѣ дома, превесело проводя это время въ эстетическомъ разговорѣ съ ея соперницей, а она, жена, совсѣмъ не эстетически штопала, тѣми часами, мужнины «поганые штаны». Занятіе это осточертѣло бѣдной дамѣ (по-моему, вполне заслуженно), и, когда супругъ удостоилъ явиться и полѣзъ къ женѣ съ нѣжностями, она сего эстета и платоническій предметъ его обругала скверными словами и вела себя, въ истерикѣ, столь дико и вульгарно, что въ возмездіе за ревнивое сквернословіе, оскорбленный въ лучшихъ чувствахъ своихъ, эстетъ былъ поставленъ въ печальную необхо-

димось жену поколотить. Страдалецъ требуетъ сочувствія къ судьбѣ своей – очевидно, по той же логикѣ, какъ Митрофанушка жалѣлъ матушку, что она сильно устала, колотя батюшку. Лѣтописное спокойствіе, съ какимъ А. Зенгеръ удачно рассказалъ этотъ эпизодъ, несомнѣнно, взятый съ натуры, еще подчеркиваетъ его вопіющую нелѣпость, отъ которой было бы смѣшно, когда бы не было грустно. Я долженъ сознаться *pro domo sua*: разбираться въ вопросахъ ревности съ психологической точки зрѣнія я и не мастеръ, и не охотникъ, ибо субъективно чувства этого никогда не могъ воспринять (когда молодъ былъ, даже стыдился этой ревливой атрофіи!); объективно же разсуждая, всегда находилъ его очень сквернымъ, болѣзненнымъ проявленіемъ хищнаго инстинкта, требующаго, чтобы твое было мое, а мое – тоже мое. Что болѣзнь ревности можетъ развиваться въ чловѣкѣ до степени всепожирающаго недуга, вчужѣ повимаю, но отъ того не дѣлается она ни законною, ни благородною, ни красивою, ни заслуживающею симпатіи и уваженія. Жалѣть ревнивца можно, какъ вся-

каго душевнобольного, но уважать въ фактъ ревности даже и самого Отелло не за что. Медея мнѣ, все-таки, понятнѣе: ея преступленіе – конечно, тоже результатъ умопомраченія, душевной горячки, но простуда-то ревностью у нея болѣе извинительна, какъ, впрочемъ, и вообще у женщинъ...

– Ахъ, – остановить меня читатель, – надъ чѣмъ же вы только-что сейчасъ смѣялись? Самы теперь принимаетесь выгораживать лякъ отъ бякъ?

Нѣтъ, этимъ похвальнымъ упражненіемъ заняться я не собираюсь, а хочу лишь установить вотъ что. Въ статьяхъ своей книги «Женское нестроеніе» я пытался если не разрѣшить, то объяснить нѣкоторыя частности женскаго вопроса и намѣтить возможный дальнѣйшій ихъ ходъ, отправляясь изъ экономическихъ законовъ спроса и предложенія. Я думаю, что подъ желѣзнымъ игомъ этихъ законовъ сложилось исторически и то рабовладѣльческое чувство, что называется ревностью и отъ многихъ почитается возвышеннымъ и благороднымъ.

– Посмотрите, какія благородныя

очертанія у этого замка! – воскликнула одна моя тифлисская знакомая, показывая на грозныя сѣрыя башни, высоко надъ шумной Курюю.

Я взглянулъ; замокъ былъ – Метэхская тюрьма! Такъ вотъ и съ ревностью. Исторически наслоенныя очертанія ея, на первый взглядъ, какъ будто эффектны и благородны. Но подъ ними – грязная, средневѣковая тюрьма. И разница лишь въ томъ, кто управляетъ тюрьмою и для кого она: мужская она или женская, для бякъ или для лякъ.

На рынкѣ нашей жизни, женщина, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, въ огромномъ преимуществѣ случаевъ, товаръ исключительно половой плюсъ чернорабочая, хозяйственная сила. Естественное соотношеніе половъ численно таково, что женское предложеніе всегда превышаетъ мужской спросъ, и, такимъ образомъ, мужчина имѣетъ возможность значительно большаго выбора жены, чѣмъ женщина – мужа. Онъ – выбирающій и бракующій потребитель, она – ищущій сбыта товаръ. Собственно говоря, единственное, болѣе или менѣе твердо отвоеванное нашими

женщинами въ этой вѣковой борьбѣ, право – это однобрачіе, половая принадлежность одной извѣстной женщины одному извѣстному мужчинѣ, безъ нарушенія вѣрности. Отношенія потребителя и товара и въ однобрачіи, конечно, не теряются, и желѣзный законъ спроса и предложенія сохраняетъ свою мощную силу именно въ обереганіи супружеской вѣрности. У людей здравомысленныхъ оно совершается инстинктивно, молчаливымъ согласіемъ, незамѣтнымъ нравственнымъ взаимодействіемъ обѣихъ сторонъ, а у натуръ болѣзненныхъ, поврежденныхъ, слагается въ болѣе или менѣе болѣзненные же акты, совокупность коихъ образуетъ понятіе ревности. И такъ, ревнуя, мужчина охраняетъ свой спросъ на извѣстную женщину, а женщина, наоборотъ, свое предложеніе извѣстному мужчинѣ. И такъ какъ женское предложеніе выше мужского спроса, то ревнующая женщина, – помимо всѣхъ сознательныхъ моральныхъ и фізіологическихъ мотивовъ, – еще и бессознательно оберегаетъ себя отъ экономической конкуренціи, цѣлко дер-

жится за свой особый отвоєванный рынокъ. Разъ изъ всѣхъ видовъ труда женщинъ вполне обезпеченъ только трудъ половой и хозяйственно-чернорабочій, то естественно и оберегать ей неприкосновенность этого своего труда отъ всякой конкуренціи со всею энергією, какую будить въ ней инстинктъ самосохраненія. Этого элемента въ мужской ревности нѣтъ, и имъ-то создается болѣе извинительное положеніе ревнивой женщины, чѣмъ ревниваго мужчины. Мужская ревность – потребительская, соперничество прихотливаго выбора. Женская – ревность товара на сбитомъ и шаткомъ рынкѣ, трепещущаго за свой сбытъ. Разница конкуренцій очень серьезная.

Нѣкоторые критики «Женскаго нестроенія» неоднократно возражали мнѣ, будто я, прямолинейно рубя вопросъ о половомъ спросѣ и предложеніи, упустилъ изъ вида обратную сторону медали, то есть, – что, какъ существуетъ мужской спросъ на женщину, такъ есть и женскій спросъ на мужчину. Но, въ моемъ настоящемъ разсужденіи о ревности, это возраженіе, вообще спекуля-

тивное и слабо способное къ защитѣ физиологическими данными, падаетъ само собою, потмъ, что, стоя на его почвѣ, преимущество права женщины на ревность (если можетъ быть вообще признаваемо такое «право») выясняется легче и ярче, чѣмъ на всякой другой. Потому что, въ такомъ случаѣ, спросовая женская ревность имѣла бы дѣло съ рынкомъ предложенія меньшаго, чѣмъ спросъ, и, слѣдовательно, послѣдній былъ бы конкуренціей лишень возможности свободного выбора; тогда какъ предложительная ревность мужская имѣла бы дѣло съ спросомъ, превышающимъ предложеніе, и, слѣдовательно, – привилегія свободного выбора остается, и въ этомъ поворотѣ, за мужчиной нерушимо.

Такъ оно есть, но такъ оно не должно быть. Мощное освободительное движеніе женскаго вопроса, ускоряемое экономическими кризисами современнаго соціального строя, вводитъ на форумъ женщину-гражданку, женщину-работницу, въ которой старинная роль полового товара погашается равенствомъ съ мужчиной во всѣхъ отрасляхъ

общечеловѣческой дѣятельности. Человѣкъ въ женщинѣ выступаетъ впередъ, самка отступаетъ назадъ. Создается и растетъ громадное сознаніе половой свободы, развитіе которой вычеркнетъ изъ брака его отрицательныя, рыночныя стороны, уничтожитъ равенствомъ труда экономическую проституцію, а предвѣчную ограничительную функцію «въ болѣзняхъ родити чада» возвыситъ отъ повелительно-самочѣй обязанности къ выбору доброй воли. Женщина растетъ, какъ пятое сословіе цивилизованныхъ обществъ, и будущее ея свѣтло и нрекрасно. Далеко ли оно? Богъ знаетъ. Но ея неудержный прогрессъ, подгоняемый фатально нарастающею потребностью человѣчества въ новыхъ доходностяхъ и рабочихъ силахъ, идетъ путемъ такихъ быстрыхъ и ясныхъ побѣдъ, что я вѣрю и хочу вѣрить: оно недалеко, – хотя еще и нѣтъ числа преградамъ и тормозамъ на его дорогѣ. Начиная съ самихъ женщинъ! Огромное покуда еще большинство ихъ, наслѣдственно пропитавшись историческими традиціями пестраго и разнообразнаго полового рынка, какъ единого своего прибѣжища и предназначенія, от-

носится къ идеямъ равнодѣтельности и равноправія съ боязнью и враждебными предубѣжденіями, сильнѣйшими, пожалуй, чѣмъ у иныхъ мужчинъ. Такъ рабство и крѣпостное право, внушеніемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, вырабатывали дворовыхъ, которыхъ мысль о волѣ приводила въ ужасъ, какъ нѣкое кощунство – и, конечно, даже некрасовскій «Послѣдышъ» не былъ такимъ крѣпостникомъ, какъ его всхлипывающій камердинеръ. Мнѣ не хочется вводить въ статью свою термина «феминизмъ», потому что онъ уже заношенъ, затрепанъ, замасленъ и опошленъ общественнымъ перевираніемъ почти до потери фізіономіи. Но, краткости ради, кажется, все-таки, безъ него не обойтись. Феминистическое движеніе, въ основу котораго положены принципы равноправія и равнодѣтельности половъ, оклеветано въ глазахъ женщинъ, какъ разрушающее семью. Клевета эта быстро таетъ, потому что вѣкъ дѣлаетъ черезчуръ ужъ очевиднымъ, что не самостоятельность женская создаетъ нашъ семейный кризисъ, а именно ея отсутствіе, при растущихъ дороговизнахъ жизни и при

крайнемъ напряженіи, почти переутомленіи мужскихъ силъ, — въ семьѣ совершается крахъ мужской работоспособности. Ей уже не подъ силу, въ одиночку, содержать семью прежняго мужевластительнаго типа; ростъ культуры настойчиво требуетъ въ брачномъ союзѣ трудовой помощи мужу отъ жены, а трудовая взаимопомощь вопіеть и о взаимоправіи, безъ котораго она — рабскій обманъ. Рабскими обманами, колеблющими женщину, какъ маятникъ, между двумя полюсами старой и новой семьи, полна наша, униженная компромиссами, современность. Страхи за разложеніе семьи женскимъ равноправіемъ принадлежатъ къ числу злѣйшихъ изъ этихъ обмановъ — впрочемъ, на этотъ разъ не столько даже рабскихъ, сколько рабовладѣльческихъ. Но успѣхи женскаго образованія, растуцій интеллектъ и самосознаніе «женскаго сословія», скоро открываютъ глаза даже самымъ слѣпымъ — видятъ, что крушеніе-то семьи не тамъ, гдѣ указываютъ враги феминизма, но въ томъ буржуазномъ укладѣ, который, понимая семью, какъ половой комфортъ, пріобрѣтаемый му-

жемъ-добычникомъ, теперь обанкрутился до того, что вынужденъ зачеркнуть въ своемъ обиходѣ даже основную цѣль брака – дѣторожденіе. Феминизмъ – не разложеніе и не отрицаніе семьи, но коренная демократическая ея перестройка и реставрація, переводъ ея зданія съ ординарнаго на двойной фундаментъ.

Надо надѣяться, что въ новой семьѣ, которую слагаетъ феминистическое теченіе, Бальзаминовымъ и Ничкинымъ не останется ни времени, ни охоты для споровъ объ энергіи мужской и женской любви, о бьякахъ и лякахъ, – и что вмѣстѣ съ тѣмъ вылиняють тогда многія романическія красоты-безобразія современной любви, въ томъ числѣ, если не околѣеть, то присмирѣеть и «чудовище съ зелеными глазами» – ревность. Я далекъ отъ мысли, чтобы феминистъ или феминистка были застрахованы отъ ревности вовсе, но прививка оспы рѣзко понижаетъ возможность зараженія оспою натуральною, а въ семьѣ, гдѣ роль женщины потеряетъ свою спеціально половую окраску, утратятъ интенсивность и чувство половой принадлежно-

сти, и, истекающія изъ него, страданія, обиды, скорби уязвленнаго самолюбія. Рождается ревность изъ чувства собственности, а главнѣйшіе пособники ея, – мало чѣмъ, кромѣ половыхъ функцій (хотя бы и съ материнствомъ, включительно!), занятая мысль, слишкомъ большой досугъ у праздныхъ и сытыхъ людей, предоставленныхъ распущенному самоуглубленію: считать свои обиды и взвѣшивать свои достоинства. Гдѣ мужъ и жена хорошо и постоянно заняты общимъ трудомъ, ревность имѣетъ мало успѣховъ, и слабы они, а формы ея, даже при рѣзкости, крайне наивны и первобытны. Некогда фигурничать и изоцрять праздную тонкость ощущеній въ такомъ простомъ и грубомъ дѣлѣ, какъ жизнь. Въ крестьянствѣ ревность гораздо рѣже, чѣмъ въ высшихъ классахъ, и это вовсе не по неразвитости или какому-либо «упадку нравственности», – ибо уличенная въ невѣрности жена претерпѣваетъ, за измѣну, въ крестьянствѣ нашемъ круто и люто, – но просто потому, что нѣтъ времени и охоты рабочимъ людямъ тратить себя на ревнивыя подозрѣнія, когда и поле, и домъ не

ждутъ. Принципіальный ревнивецъ, одержимый вѣчнымъ страхомъ за вѣрность жены, — для деревни всегда посмѣшище, нѣчто въ родѣ дурачка, либо маньяка. Болѣе или менѣе такъ оно и во всякой трудовой средѣ. Чувства трудового товарищества пригашаютъ половой огонь, а гдѣ онъ не полный властелинъ, тамъ всегда есть возможность разсудку столковаться и справиться съ ревностью. Въ обществѣ будущаго къ ревнивцамъ станутъ относиться, какъ мы относимся къ *malades imaginaires*, ипсихондрикамъ, жертвамъ чрезмѣрной мнительности. Можетъ быть, даже и лечить ихъ будутъ, что и теперь, правду сказать, по большей части, весьма не лишнее.

Ревность — дочь неравенства половъ. Въ разсказѣ г. Зенгера герой возмущается, что жена его взбѣсилась только за то, что онъ эстетически провелъ время съ ея бывшею соперницею. А, строго-то разбирая, жена-то вѣдь, при всей нелѣпости ея поступковъ, по своему, какъ чадо буржуазнаго строя, очень права. Ибо, помимо оскорбленнаго самолюбія, и тотъ инстинктивный страхъ, о которомъ я говорилъ выше, «страхъ за поте-

рю своего рынка», имѣлъ въ этомъ случаѣ всѣ видимыя основанія заговорить властно, громко и, какъ водится съ перепуга, глупо. Помилуйте! Бѣдняга сидитъ и штопаетъ штаны, а супругъ разливается соловьинымъ краснорѣчіемъ у сосѣдки. Женѣ – «поганые штаны», а сосѣдкѣ – вся эстетика души! А, по возвращеніи, разнѣженный своею эстетическою ночью, лѣзетъ къ женѣ съ ласками. Да – что же тутъ удивительнаго, если она оттолкнула его и послала къ чорту? Очень стоиль!

– Слушайте вы, милостивый государь мой! Если я вышла за васъ замужъ и терплю за вами жизнь, въ которой нѣтъ ничего пріятнѣе вашихъ объятій плюсъ штопанье вашихъ штановъ, то благоволите въ этой купль-продажѣ вести себя, по крайней мѣрѣ, честно и принадлежать мнѣ въ той полности, какая бракомъ предполагается. На то же, чтобы вы лучшую часть себя отдавали другимъ женщинамъ, а мнѣ досталась изъ васъ только свиная половина – на такой дѣлежъ я не согласна. Спать съ собою можете купить кокотку, штаны штопать – наймите горничную. А у меня есть гордость, достоинство

человѣческое, и исполнять при васъ обязанности кокотки и горничной – въ то время, какъ «перлы души своей» вы изволите помѣщать въ другой банкъ, – я не могу. Вы нечестный контрагентъ и обсчитываете меня самымъ некрасивымъ манеромъ!

Такъ отчитала бы героиня г. Зенгера своего благовѣрнаго, если бы имѣла достаточно хладнокровія. Но пятый часъ утра, послѣ безсонной ночи, плохое время для хладнокровія, и потому, вмѣсто резоннаго объясненія, бѣдная дама осыпала эстета безсвязною бранью, платоническій предметъ его обозвала «сволочью»... и, за честь предмета, получила оплеуху. То-то вотъ у насъ: въ гостяхъ-то эстетика, а дома-то – послѣ эстетики – плюхи.

Недавно смотрѣлъ я пошлѣйшую пьесу Джерома К. Джерома «Миссъ Гоббсъ»; она, кстати, какъ разъ начинается именно апоѳеозомъ супружескаго примиренія послѣ мужниной оплеухи! Имѣется въ пьесѣ этой третій актъ – на яхтѣ, пользующійся наибольшимъ успѣхомъ у зрителей-буржуа. потому что нѣкій Кингсеръ Старшій посрамляетъ тамъ феминистку и читаетъ ей очень

краснорѣчивую мораль, цѣликомъ, впрочемъ, выкраденную изъ Шекспирова «Укрощенія строптивой». Я позволю себѣ напомнить условія этой сцены, потому что они характерны для многихъ антагонистовъ женской самодѣятельности и равноправности. Кингсеръ увѣряетъ феминистку, миссъ Гоббсъ, что яхту ихъ сорвало съ якоря и, въ туманѣ, несетъ въ открытое море. Поэтому – ему надо работать на палубѣ надъ снастями, а ей – тѣмъ временемъ – готовить завтракъ и, какъ миссъ Гоббсъ справедливо опредѣляетъ, «быть одною прислугою». Пока миссъ Гоббсъ учится «быть одною прислугою», Кингсеръ сидитъ сложа руки и разглагольствуетъ о прелестяхъ женщины-домохозяйки, господски покрикивая на дѣвушку всякій разъ, что она неловка... Проповѣди очень трогательны, буржуа аплодируютъ, а, когда Кингсеръ декламируетъ апологію материнства, многіе вынимаютъ носовые платки и держатъ ихъ у глазъ: такъ оно чувствительно.

– Послушайте! – говоритъ ему миссъ Гоббсъ, – а вамъ нечего дѣлать на палубѣ?

– Нѣтъ, – съ чистосердечіемъ отвѣчаетъ

Кингсеръ, – покуда нечего.

И вотъ получается картина, которой не предвидѣль Джеромъ, отдавая свои симпатіи врагу феминизма: дѣвушка трудится, какъ чернорабочая, – краснобай сидитъ праздно и точитъ нравоучительныя лясы, – а на палубѣ ему, дѣйствительно, дѣлать нечего, потому что онъ – лгунъ: совсѣмъ яхта не сорвана съ якоря, и никуда не плыветъ, а смиренхонько стоитъ на своемъ мѣстѣ, не требуя никакихъ о себѣ заботъ, и только густой туманъ въ воздухѣ препятствуетъ обманутой дѣвушкѣ разобратъ все это плутовство.

Ей-Богу же, это можетъ быть символомъ! Это обычная картина устной и печатной борьбы съ феминизмомъ! Туманъ въ воздухѣ, жупельныя слова, чувствительное склоненіе слова «семья» во всѣхъ падежахъ, краснорѣчивыя доказательства, что женщина должна посвятить себя «своему дѣлу» у печки, чтобы мужчина могъ спокойно дѣлать «свое дѣло» у кормила общественнаго корабля, – а пресловутый корабль-то совсѣмъ и не думаетъ двигаться, и велерѣчивые проповѣдники сами про то отлично знаютъ,

да хитро молчатъ, пока «баба приручится»...
А та-то, въ довѣрчивости, кипятить «труже-
нику» молоко, мелеть-варить кофе, жарить
котлеты!

Начинается обманомъ – поддерживается
туманомъ – разрѣшается въ чернорабочую
кабалу.

Хорошо еще, что на туманы есть солнце!
И оно засіяетъ, и будетъ правда на землѣ!

1904.

III

А. В. Зенгеру

Collega!

Берусь за перо съ чувствомъ глубочайшаго раскаянiя, что незаслуженно обвинилъ въ своей статьѣ о ревности вашего героя-эстета, будто онъ поколотилъ свою ревнивую жену, тогда какъ онъ «только облилъ ее водою, въ виду крайняго ея бѣшенства», что, справедливо замѣчаете вы, «рекомендуется и врачами въ случаяхъ всевозможныхъ истерикъ, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ». Не могу, однако, не замѣтить, что опыты гидропатическаго лѣченiя, производимые мужемъ надъ женою въ пятомъ часу утра, при томъ послѣ громкой супружеской сцены, смѣлою необычайностью своею нѣсколько извиняютъ мою обмолвку, — тѣмъ болѣе, что, по наблюдениямъ многихъ ученыхъ, не всѣ женщины любятъ, чтобы мужъ внезапно опрокидывалъ имъ на голову кувшинъ съ водою, и, для успѣшнаго выполненiя подобной операціи, пациентку надо крѣпко держать, а

то вырвется и убѣжить. Не могу также не замѣтить, что мужъ, который, возвратясь отъ дамы сердца въ пятомъ часу утра, лѣзетъ къ женѣ за ласками, а будучи обруганъ и отвергнутъ, обливаетъ ее водою, можетъ быть женою легко принять самъ за находящагося въ крайнемъ бѣшенствѣ – и даже до связанія его черезъ призванныхъ дворниковъ, что иногда тоже рекомендуется врачами, конечно, не изъ поклонниковъ системы по restraint.

Исправивъ эту свою ошибку, я, къ сожалѣнію, немогу взять обратно своей антипатіи къ вашему гидропату – и, конечно, не потому, что – ахъ, какъ смѣшно! съ бабою не справился! – что приписываете вы мнѣ; collega, сказать правду, по совершенно субъективной и произвольной догадкѣ, которой противорѣчитъ все мое отношеніе къ женскому вопросу. А потому, что, послѣ вашихъ новыхъ разъясненій типа, онъ опредѣлился еще яснѣе: страдалецъ съ сердцемъ, вложеннымъ въ два банка – съ идеальной дамою для чувствъ возвышенныхъ и хорошенькою женою для домашняго обихода. А, при протестѣ домашняго обихода: «ежели я твоя нераздѣльно,

то не угодно ли и тебѣ быть моимъ полностью!» – мы выливаемъ домашнему обиходу на голову кувшинъ воды, и, развязавшись съ ревнивою обузою, красиво удаляемся въ какую-то принципиальную женобоязнь: «женщины опошляютъ жизнь ревностью... онѣ ужасны.... ничтожество вамъ имя, женщины!»!.. Этотъ Гамлетъ-обливатель – продуктъ «эстетическаго рабовладѣльчества», collega, и очень скверный, потому что капризный, изнѣженный неврастенически избалованный – именно тою широкою свободою выбора женщины, о которой писалъ я въ прошлый разъ и которую вы сами теперь характеризуете «любовь» вашего героя:

– *Опять это не та!*..

И такъ какъ «опять не та», то и разстанемся съ нею, и если надоѣло выбирать дальше, то проклянемъ женскій родъ, а не собственную безхарактерность, и уйдемъ въ «полное разочарованіе въ поэзіи жизни»?! Ко мнѣ вчера апельсинчикъ пришелъ, – все клялся, что на лоткѣ – все корольки. Однако, что ни попробуемъ отлупить кожу, самая подлѣйшая, желтая кислятина:

– Опять не королекъ!

Ну, и, конечно, къ чорту его... Съ выборомъ апельсиновъ это свободное «опять» очень удобно, – ну, а женщина – не апельсинъ, и, говоря о выборѣ жены, да еще въ сопровожденіи такого громкаго слова, какъ «любовь», подобныя «опять» надо изъ репертуара выкинуть. Ибо даже институтки старыхъ временъ твердили, что «любовь не картошка – не выбросишь изъ окошка». А что выбрасывается изъ окошка съ такою легкостью, какъ покончилъ со своимъ супружествомъ вашъ гидропатическій мужчина, то, по всей вѣроятности, есть картошка, а не любовь... И – никакихъ ужасовъ тутъ нѣтъ, collega, сколько бы герои эти, messieurs d'Опять, краснорѣчивыхъ ужасовъ на себя ни напускали, ибо – Отелло темперамента хоть по челоѣчеству жалки, а Отелло картофельныхъ драмъ только ничтожны. Вообще, я долженъ сознаться, что рѣшительно не могу взять въ толкъ, какъ это можетъ родиться «полное разочарованіе въ поэзіи жизни» изъ ссоры съ женщиною, повинною лишь тѣмъ, что мыслить и чувствуетъ иначе, чѣмъ ты?!

То есть – взять-то въ толкъ могу, но думаю, что вѣкъ Эрастовъ Чертополоховыхъ и «Бѣдной Лизы» остался нѣсколько позади насъ, и даже прутковскій юнкеръ Шмидтъ сейчасъ – мало трагическая фигура... Какой прокъ въ мужчинѣ, для котораго вселенная можетъ быть завѣшена женскою юбкою? Какой прокъ въ женщинѣ, для которой мужскія панталоны – Геркулесовы столбы, *pes plus ultra* воли и мысли? Жизнь не баловство, – «природа не храмъ, а лабораторія», – поэзія жизни не въ спальнѣ и будуарѣ, а въ мастерской.

Вы, *collega*, недовольны логическимъ отвѣтомъ, который я сочинилъ, становясь на точку зрѣнія жены-буржуазки, супругу-гидропату, потому что здѣсь, молъ, не было купли-продажи, а сіяла одна пылкая «любовь», описываемая вами къ большимъ краснорѣчіемъ. Но, *collega*, признавая всю энергію и добросовѣстность вашей защиты, не могу не напомнить вамъ старой сентенціи: «словами красными не возвыситъ поступки гнусные», а кліентъ вашъ ведетъ себя, ей-Богу же, гнусненько. И, въ «купль-продажѣ», которую вы презрительно отвергаете,

моя, облитая водою, кліентка настаиваетъ на своемъ правѣ не на иное что, какъ именно на «любовь», то есть – на обладаніе мужемъ въ той же мѣрѣ, какъ онъ ею обладаетъ, въ полной совокупности жизни – съ объятіями, съ домашними заботами и съ «перлами души», при полномъ несогласіи уступать послѣдніе въ чужія руки. Эта молчаливая нравственная купля-продажа существуетъ рѣшительно во всякомъ современномъ бракѣ, красотами какихъ бы любвей безбрежныхъ, нѣжныхъ и мятежныхъ онъ декоративно ни сіялъ. И больше того скажу: до тѣхъ поръ, пока буржуазный строй современности держитъ женщину въ подчиненіи мужскимъ выгодамъ, право такого соглашенія, – единственно отвоеванное себѣ женщиной буржуазной культуры изъ всѣхъ правъ общественныхъ, – будетъ и неизмѣнно провѣрять практическую доброкачественность, и контролировать реальную силу того лукаво растяжимаго и безконечно-многограннаго чувства, что зовется «любовью». Сказать: я люблю Марью, – вѣдь, собственно говоря, ровно ничего не обозначаетъ: любовь – широкая, какъ море, и перловъ въ

ней сколько угодно, и гадовъ – нѣсть числа. Марьямъ авансомъ даютъ нѣсколько перловъ, а гадовъ «до дѣла» припрятываютъ, какъ отпугивающій отъ сдѣлки дебетъ. Затѣмъ, по дѣлѣ, гады начинаютъ выползать, а перлы сокращаться. Въ томъ и нечестная контрагентура брака, противъ которой законно говорить жена-буржуазка, и съ которою не должно связываться имя «любви»: даже въ самомъ лучшемъ случаѣ, это комедія любви, драматическое представленіе любви, водевиль любви, разыгрываемые сознательно или бессознательно, эффектно или мизерно, похотливо или равнодушно, страстно или холодно, но не любовь, не любовь! Любовь есть вольное сочетаніе двухъ взаимопониманій, въ постоянной взаимопровѣркѣ своихъ обязательствъ, достигаемой столько же инстинктомъ, сколько разумомъ. Въ такой любви нѣтъ мѣста рабовладѣльческимъ притязаніямъ – источнику ревности; въ странѣ или вѣкѣ такой любви понизится, стало быть, и болѣзненная энергія ревности, ставъ удѣломъ людей только аномальныхъ. Но восторжествовать надъ міромъ такая любовь – любовь

равныхъ къ равнымъ и свободныхъ къ свободнымъ, — сможетъ, конечно, не въ современномъ буржуазномъ строѣ, въ которомъ приниженіе женщины къ самочному уровню — принципiальный устой. Быстрыми шагами идущее впередъ освобожденіе женщины, завоеваніе ею правъ гражданскихъ, образовательныхъ, экономическихъ и, главное, пожизненныхъ правъ на самоё себя дѣлаютъ, въ глазахъ моихъ, жестокое владычество ревности явленіемъ, — если хотите, collega, — дѣйствительно временнымъ. А только я не понимаю: откуда вашъ выводъ, что если зло временное, то его надо претерпѣть?! Зачѣмъ же, собственно говоря, претерпѣвать медвѣдя, когда онъ идетъ на васъ на дыбахъ? Вы его — рогатиной! Конечно, не вѣчное зло — медвѣдь, но временное, а, все-таки, лучше его рогатиною, — не то, пожалуй, съѣсть... Боритесь, люди, съ ревностью лично: давите ревность въ себѣ, сокращайте поводы и возможности ревновать себя. Большаго достигъ субъективно вы не можете, ибо слово противъ ревности, обращенное къ обществу, помогаетъ не болѣе, чѣмъ заговоръ отъ лихорадки, что и

естественно, такъ какъ и лихорадка и ревность – одинаково физическія болѣзни. Но лихорадки, опустошающія цѣлые людныя округа, не поддаваясь словамъ и заговорамъ, всей медицинѣ *in verbis, lierbis et lapidibus*, исчезаютъ безслѣдно послѣ практической работы, казалось бы, не имѣющей ничего общаго съ медициною: засыпано два-три ручья, высушено болото, проведенъ канадъ, проложены бетонныя трубы, распахана и засѣяна старая, одичалая новь. Ту же самую аналогію пророчествую я и для эпидемій ревности. Дайте женщину жить въ челоуѣчество, а не только въ спальню, дѣтскую и кухню, – вы сохраните любовь и погасите ревность. Обратите женщину изъ юридической вещи въ юридическое лицо, *in persotiam sui juris*, – тогда и она прекратитъ то опасливое исканіе въ васъ самихъ вещныхъ признаковъ, что нынѣ выражается ревностью. Работайте на женское образованіе, на самосознаніе женщины; вы работаете на гибель ревности! Содѣйствуйте подъему и расширенію женскаго труда, – вы содѣйствуете паденію конкуренціи на трудъ половой, – вы содѣйствуете паденію главна-

го фактора ревности. Поднимайте женское движение къ самостоятельности и равенству съ мужчиною на всѣхъ путяхъ правоспособности, – вы побѣждаете закрѣпощеніе женщины полу, вы давите главный страх – эгоистическій страх самоохраняющаго, чужаднаго организма, которымъ, по преимуществу, воспитывается и регулируется ревность. Создавайте изъ женщины гражданку, работницу, человѣка, – вы перестанете мучить ревностью самку, и самка перестанетъ терзать ревностью васъ.

Къ сему случаю вы спрашиваете, коллега, «но чѣмъ же объяснить, что главнѣйшимъ образомъ, пошлѣйшимъ образомъ, невыносимѣйшимъ образомъ ревнуетъ именно женщина самостоятельная, богатая, сытая и бездѣльная»?.. Я думаю, коллега, что достаточно подчеркнуть послѣднее прилагательное курсивомъ, чтобы оно отвѣтило вамъ на вашъ вопросъ и убило остальные эпитеты. «Самостоятельная» и «бездѣльная» – понятія несовмѣстныя. Рабочая и гражданская самостоятельность – прямое противопоказаніе той сытой праздности, которую понимаемъ мы (и

вы, коллега, въ своемъ вопросѣ) подѣ оши-
бочнымъ названіемъ самостоятельности те-
перь, въ быту нашихъ женщинъ-буржуазокъ,
и которая, въ дѣйствительности, есть лишь
матеріальная, плотская обезпеченность, безъ
труда получаемая, либо опять-таки цѣною по-
ла – отъ мужа или любовника, либо достав-
шаяся по родительскому благословенію въ
наслѣдство. Такой обезпеченности, безправ-
ной и бездѣятельной, естественно, чрезъ
отложеніе въ себя туковъ, растить въ себѣ и
озлобленіе тѣлесное, а озлобленіе тѣлесное
выращивать въ безобразные ревнивые экцес-
сы. Но въ сферѣ трудовой женской самосто-
ятельности, среди женщинъ, живущихъ не
только цѣною своего пола, вопросъ вашъ най-
детъ данныя къ отрицательному отвѣту. О
крестьянствѣ вы со мною согласны. Подними-
тесь въ круги учащейся женской молодежи,
къ сестрамъ милосердія, изучите бытъ сель-
скихъ учительницъ, фельдшерицъ, акушero-
къ: какъ ничтоженъ – сравнительно съ сы-
тою буржуазною средою – половой интересъ
въ этомъ обществѣ и какъ умѣютъ здѣсь съ
нимъ справляться! Болѣе цѣломудренной и

честной молодежи, чѣмъ наши учащіяся дѣвушки высшаго образованія, я не встрѣчалъ нигдѣ въ Европѣ. И какая рѣдкость здѣсь ревнивыя трагедіи! И, если случаются, то — какъ серьезны бываютъ поводы къ нимъ! И, все-таки, какъ дурно принимаются онѣ средою... Вѣдь процессу Прасковьи Качки добрыя двадцать пять лѣтъ давности, а дѣло это и до сихъ поръ поминается при каждой, хотя бы слабой, аналогіи. Взять даже театръ: при всей своей до сихъ поръ распущенности и безалаберности, при всѣхъ пережиткахъ недавней театральной проституціи, при всемъ изобиліи полового элемента въ самомъ показномъ характерѣ театральной дѣятельности, женщины этого дѣла бываютъ одержимы безтолковою ревностью и гораздо рѣже; и въ гораздо слабѣйшихъ проявленіяхъ, чѣмъ женщины-буржуазки. И это — потому, что между жевщиною и ревностью стало нѣчто, главнѣе требующее повиновенія, чѣмъ эгоистическій половой позывъ: стала самостоятельная трудовая дисциплина, обязанности которой должны быть исполнены раньше личныхъ похотей и капри-

зовъ. Грубое неприличіе предъ товарищами – прервать ревнивою сценою репетицію, ибо репетиція есть служебная работа; почти неслыханный скандалъ прервать ревнивою сценою спектакль, ибо спектакль есть общественная служба, окупленная публикою. Театральная женщина уже осваивается мало-по-малу съ сознаниемъ, что поль ея – второе въ ней, а первое – общественная работа таланта, и это сознание стало тормозомъ ревности, припадки которой за кулисами, на девять десятыхъ, разрѣшаются въ водевиль, а не въ трагедію. Адріенны Лекувреръ рѣдки. Въ самоубійствѣ Кадминой, давшемъ тему «Татьяны Рѣпиной» и «Клары Миличъ», сыграла роль главной причины не показная ревность, а глубокое тайное самонедовольство богато-одаренной натуры, размѣнявшей себя по пустякамъ... Кадмина – старшая сестра Маріи Башкирцевой, да и умнѣе, и глубже ея была...

Еще два слова. Вы говорите: «Улучшеніе быта женщины мало повліяетъ на зло ревности, ибо главною его частью является часть не экономическая, а звѣрская: наслажденіе

ревности есть наслаждение патологическое, какъ наслаждение съченіемъ ребенка». Тутъ я сперва позволю себѣ заступиться за репутацію звѣрей: въ животномъ мірѣ самки эксцессами ревности совсѣмъ не прославлены, – во-первыхъ; во-вторыхъ, ни одна собака, ни даже обезьяна, не говоря уже о коровахъ, кобылахъ и т. д., чадъ своихъ «для наслажденія» никогда не наказывали. Оставимъ людямъ ихъ «людства» благопріобрѣтенныя: при чемъ звать людства звѣрствами? Затѣмъ – я опредѣленно говорилъ въ своей статьѣ, что не пророчу полной смерти ревности, а предсказываю лишь общественное низведеніе ея на роль патологической аномаліи. Это самое нахожу я и въ вашемъ тезисѣ, хотя вы мнѣ имъ какъ будто возражаете. Наслаждение съченіемъ ребенка, которое вы ставите въ примѣръ, – тѣмъ паче по половымъ побужденіямъ, – сравнительно такая рѣдкость въ области человѣческихъ страстей, что, если бы случаи ревности сползли на этотъ уровень, то европейское общество могло бы считать себя отъ нея освобожденнымъ. «Чудовище съ зелеными глазами – зло

животное, одно изъ наслѣдїй издыхающаго въ челоуѣкѣ звѣря». А вы увѣрены, что вѣчный звѣрь этотъ издыхаетъ? Клянусь «Звѣремъ изъ Бездны», великій вы оптимистъ! Зло животное, а не экономическое. Да какое же зло не животное?! И почему животное противоплагается экономическому? Всякое зло, истекающее изъ физиологическаго запроса, начивая съ обязанности ѣсть и пить, есть животное зло, и всякое удовлетвореніе физическаго инстинкта есть экономическая потребность, разлагающаяся на начала спроса и предложенія и ихъ колебаніемъ свершающая свою культурную эволюцію. Вѣчная дрессировка «звѣря»; по предписаніямъ культурной эволюціи, управляемой экономическими запросами, и слагаетъ исторію нашей цивилизаціи. «Звѣрь» укрощается ростомъ общественнаго инстинкта и сознательнымъ отношеніемъ трудящихся массъ къ условіямъ своего быта, а совсѣмъ не аристократическимъ самосовершенствованіемъ и самовоспитаніемъ избранныхъ единицъ. Послѣднія – только симптомы и сигнальные огни массоваго процесса, который безсозна-

тельно кипить въ глубинахъ народовъ. И, какъ вы ни совершенствуйте и ни воспитывайте себя, а вѣкъ вашъ далеко отъ себя васъ не выпуститъ этически, хотя вы можете очень на много опередить его мыслью. Взять хоть бы и половой вопросъ: мы съ вами далеко не Платоны и не Сократы, однако – предстанъ предъ нами вживѣ сіи маститые мужи, со всею откровенностью страстишекъ своихъ, – намъ пришлось бы заявить имъ: «Господа! что вы!?! Въ наши дни такія срамныя шутки показываютъ только въ захоlustяхъ Парижа и Неаполя, да и то подъ большимъ секретомъ отъ полиціи и за хорошія деньги!»

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что и въ русскомъ крѣпостномъ правѣ, и въ американскомъ рабовладѣльчествѣ, да и во всякой странѣ съ институтомъ невольничества очень значительное количество господъ были не людоѣды и не аспиды-василиски, а люди – какъ люди, многіе же и очень хорошіе природно люди при томъ въ высшей степени склонные къ самосовершенствованію и самовоспитанію и проявлявшіе, какъ умѣли и хотѣли, свои добрыя качества въ своемъ част-

номъ рабовладѣніи. Однако, сіи одинокія ласточки безсильны были сдѣлать освободительную весну, пока экономической ростъ ихъ государствъ не подрывалъ въ принципѣ сперва систему, потомъ право рабовладѣнія. А тогда быстро гибло и самое рабовладѣніе, и дурные наросты, отъ его корня на общественный организмъ наслоненные. То же и съ вопросомъ полового раскрѣпощенія женщины. Экономическій ростъ общества настаиваетъ на его необходимости. А разъ оно совершится, частію погаснутъ, частію вылиняють пороки, изъ него истекавшіе, – въ томъ числѣ и половая ревность. Окутанная тысячами льстивыхъ предразсудковъ, она, съ красивою мрачностью, выстаиваетъ противъ доводовъ разсудка, одинъ на одинъ съ самыми дѣльными и благожелательными умами, потому что еще не сломано покуда основное право и условіе ревности: общественное мужевластіе, гражданская и экономическая приниженность «женскаго сословія». Со дня, когда право это рухнетъ, какъ рухнули рабскія цѣпи русскаго крестьянства и черной расы, ревность пойдетъ, конечно, на убыль, дѣлаясь достояніемъ

людей пережитка и нервно больныхъ... Здоровые же выучатся ея стыдиться и, даже подвергаясь ея набѣгамъ, справляться съ нею наединѣ, какъ съ своего рода нравственнымъ геморроемъ или другимъ недугомъ, не принятымъ къ огласкѣ въ обществѣ.

1904.